

Жил-был крестьянин Иван, и была у него жена Марья. Жили Иван да Марья в любви и согласии, вот только детей у них не было. Так они и состарились в одиночестве. Сильно они о своей беде сокрушались и только глядя на чужих детей утешались. А делать нечего! Так уж, видно, им суждено было. Вот однажды, когда пришла зима да напало молодого снегу по колено, ребяташки высыпали на улицу поиграть, а старички наши подсели к окну поглядеть на них. Ребяташки бегали, резвились и стали лепить бабу из снега. Иван с Марьей глядели молча, призадумавшись.

Вдруг Иван усмехнулся и говорит:

— Пойти бы и нам, жена, да слепить себе бабу!
На Марью, видно, тоже нашёл весёлый час.

— Что ж, — говорит она, — пойдём, разгуляемся на старости! Только на что тебе бабу лепить: будет с тебя и меня одной. Слепим лучше себе дитя из снега, коли Бог не дал живого!

— Что правда, то правда... — сказал Иван, взял шапку и пошёл в огород со старухой.

— Что это? Не наваждение ли какое? — сказал Иван, кладя на себя крёстное знамение.

А кукла наклонила к нему головку, точно живая, и зашевелила ручками и ножками в снегу, словно грудное дитя в пелёнках.

— Ах, Иван, Иван! — вскричала Марья, задрожав от радости. — Это нам Господь дитя даёт! — и бросилась обнимать Снегурочку, а со Снегурочки весь снег отвалился, как скорлупа с яичка, и на руках у Марьи была уже в самом деле живая девочка.

— Ах ты, моя Снегурушка дорогая! — проговорила старуха,

— Что это? Не наваждение ли какое? — сказал Иван, кладя на себя крёстное знамение.

А кукла наклонила к нему головку, точно живая, и зашевелила ручками и ножками в снегу, словно грудное дитя в пелёнках.

— Ах, Иван, Иван! — вскричала Марья, задрожав от радости. — Это нам Господь дитя даёт! — и бросилась обнимать Снегурочку, а со Снегурочки весь снег отвалился, как скорлупа с яичка, и на руках у Марьи была уже в самом деле живая девочка.

— Ах ты, моя Снегурушка дорогая! — проговорила старуха,

обнимая своё желанное и нежданное дитя, и побежала с ним в избу.

Иван насилу опомнился от такого чуда, а Марья была без памяти от радости.

И вот Снегурочка растёт не по дням, а по часам, и что день, то всё лучше. Иван и Марья не нарадуются на неё. И весело пошло у них в дому. Девки с села у них безвыходно: забавляют и убирают бабушкину дочку, словно куколку, разговаривают с нею,

поют песни, играют с нею во всякие игры и научают её всему, как что у них ведётся. А Снегурочка такая смышлённая: все примечает и перенимает.

И стала она за зиму точно девочка лет тринадцати: всё разумеет, обо всём говорит, и таким сладким голосом, что заслушаешься. И такая она добрая, послушная и ко всем приветливая. А собою она — беленькая, как снег; глазки что незабудочки,

светло-русская коса до пояса, одного румянца нет вовсе, словно живой кровинки не было в теле... Да и без того она была такая пригожая и хорошая, что загляденье. А как, бывало, разыграется она, так такая утешная и приятная, что душа радуется! И все не налюбуются Снегурочкой.

Старушка же Марья души в ней не чаёт.
— Вот, Иван! — говаривала она мужу. — Даровал-таки нам Бог радость на старость! Миновалась-таки печаль моя задушевная!

А Иван говорил ей:
— Благодарение Господу! Здесь радость не вечна, и печаль не бесконечна...

